

Российское государство и Пермь Великая в конце XVI – начале XVII веков

21 февраля 1613 г. Земским собором был избран на русский престол первый царь династии Романовых - Михаил Федорович Романов. Это избрание явилось важнейшим событием российской государственной жизни после кончины 5 января 1598 г. царя Федора Иоанновича – сына Иоанна IV Грозного, со смертью которого пресекался московский род Иоанна Калиты, уходящий корнями к князю Рюрику.

Избранию царем Михаила Федоровича способствовало два обстоятельства. Во-первых, он принадлежал к древнему и очень известному боярскому роду Романовых-Юрьевых-Захарьиных-Кошкиных. Во-вторых, Михаил Федорович был ближайшим родственником Федора Иоанновича, которому доводился двоюродным племянником. Анастасия Романова, мать царя Федора Иоанновича и первая жена Иоанна IV Грозного, – родная сестра Никиты Романова, деда Михаила Федоровича Романова.

После Федора Иоанновича власть переходит к Борису Годунову – брату царицы Ирины, которого Земский собор 17 февраля 1598 г. избрал на царство. Новый царь поначалу много сделал по предотвращению разрухи в стране. Когда в Москве разнесся слух, что царевич Дмитрий, сын Иоанна IV Грозного спасся от гибели в г. Угличе, Борис Годунов расценил слух, как стремление бояр свергнуть его. В действительности оно так и было. Бояре стремились избавиться от Бориса-царя, вернуться к династии Рюриковичей в лице ее последнего представителя – царевича Дмитрия. Как впоследствии заявлял Василий Шуйский, бояре пошли на признание царевича Дмитрия только для того, чтобы убрать с царского престола Бориса Годунова. Зная об этом, Борис Годунов многих заподозренных бояр стал подвергать пыткам и ссылкам. Из Москвы были отправлены многие бояре, среди которых и Романовы.

Пятеро сыновей Никиты Романова в июне 1601 г. лишились имения и боярства и были высланы из Москвы. Федор, старший из сыновей, отец будущего царя Михаила Федоровича, был пострижен в монахи под именем Филарета и сослан в Архангельский Антониево-Сийский монастырь. Окольничего Михаила Никитича Романова¹ отправили в изгнание в Пермь Великую, где местом его пребывания избрали деревню Ныроб.

Положение Романовых меняется с приходом в 1605 г. на русский престол Лжедмитрия I. Он возвращает из ссылки попавших в опалу и выживших братьев Филарета (Федора) и Ивана. Филарет был возведен в сан митрополита Ростовского. Однако в 1608 г. он оказался в плену – сначала у Лжедмитрия II, а с 1610 г. в Польше. В 1619 г., то есть когда его сын Михаил Федорович был в Москве царем, «Освященный собор» русских иерархов избрал Филарета патриархом Московским и всея Руси. Естественно, патриарх-отец, имея огромный житейский опыт, оказывал сильное влияние на мягкого по характеру царя-сына. Они признавались великими государями Московскими и всея Руси и их подписями скреплялись важнейшие государственные бумаги. В стране, пережившей междуцарствие и «лихолетье», как народ назвал годы Смутного времени, особое внимание они уделяли преодолению экономической разрухи и защите государства от внешних врагов.

По указанию Лжедмитрия I в Москву в 1606 г. были доставлены останки Михаила Никитича Романова, скончавшегося весной 1602 г. в Ныробе и похороненного там

¹ М. Н. Романов имел чин окольничего, но в царских грамотах и литературе его называют боярином.

невдалеке от ямы – места заточения. Упокоился Михаил Никитич в Новоспасском монастыре – в родовой усыпальнице Романовых.

Заточение и кончина М. Н. Романова внесли большие перемены в жизнь ныробских крестьян. Имя его сразу стало достоянием легенд и преданий. Образ Романова жители наделили богатырской силой. Это он при виде ямы, приготовленной для него, отбрасывает на несколько сажений возок, в котором его привезли. Жители Ныроба и пострадали за М. Н. Романова. За то, что тайно от стражи кормили его: пятерых человек выслали в Казань, и один из них умер там от пыток.

Многочисленные легенды служат источником познания заточения и трагической гибели М. Н. Романова. Народная память до нашего времени хранит многие случаи из истории его пребывания в Ныробе. Но реконструировать исторические события помогают еще и грамоты 1622 и 1628 гг., посланные царем Михаилом Федоровичем воеводам Перми Великой в Чердынь.² Грамоты замечательны тем, что являются живой зарисовкой впечатлений о М. Н. Романове, крестьянах Ныроба и свидетельством о возникновении первых храмов. В них, как полагалось по делопроизводству того времени, включены тексты грамот, полученные в Москве от воевод Перми Великой и причта Ныроба.

Видимо, одним из первых, кто напомнил царю Михаилу Федоровичу о пребывании и почитании М. Н. Романова в Ныробе, был воевода Гаврило Лодыгин. В царской грамоте 1622 г. излагалось содержание его челобитной, отправленной в 1619 г. из Чердыни в Москву. Воевода напомнил царю, что у крестьян Ныроба есть большая заслуга перед царским родом. Они стремились продлить жизнь М.Н.Романова в яме-темнице и подавали ему через отверстие в крыше съестные припасы, подвергая себя опасности со стороны московской стражи. Об этом воевода рассказал, очевидно, потому, чтобы заставить царя по-особому взглянуть на Ныроб, оценить подвиг крестьян во имя спасения узника и всего рода Романовых. Причем за этот поступок, как видно из письма воеводы, последовало наказание крестьянам по распоряжению самого царя Бориса Годунова: «... пристав Роман Тушин писал к царю Борису и Борис де велел того погоста взять в Казань пять человек крестьян, и те крестьяне пытаны разными пытками и с пытки один в Казани умер».³ Впоследствии об этом случае крестьяне будут неоднократно напоминать царствующему Дому Романовых и просить от него помощи.

Особое внимание в грамоте воеводы 1619 г. обращалось на святыни Ныроба: храм и явленный образ Николая Чудотворца, который, по народной легенде, первыми увидели на окраине Ныроба чердынские купцы, возвращавшиеся с Печоры. Остается не выясненным время возникновения первого храма, но известно, что он в 1617 г. сгорел, а чудотворный образ Николая сохранился. По свидетельству воеводы Гаврилы Лодыгина, Ныроб уже тогда являлся очень почитаемым местом. В нем особенно любили и чтили чудотворный образ, от которого «... многим людям прощение и цельба, и к тому де образу к молению из дальних изо многих городов приходят многие люди». Почитание и благочестие проявлялось в украшении чудотворной иконы. О ее уборе воевода писал: «... прикладу много, да тут же и в прикладе крест золот боярина Михайла Романова». Золотой крест, как засвидетельствовано в литературе со слов жителей Ныроба, был

² Грамоты хранились в церкви Николая чудотворца в с. Ныроб. В 1738 г. они были скопированы, а позднее дважды опубликованы (см.: Пермские епархиальные ведомости. 1870. №30. С.352-360; Санин Н. А. Село Ныроб и его древности. - Саратов, 1912. - С.33-40).

³ Здесь и далее при цитировании грамот ссылки опускаются (см. опубликованные тексты).

преподнесен им в благодарность за попытки спасения жизни М.Н. Романова в тот момент, когда послы Лжедмитрия I увозили его останки в Москву. Дальнейшая судьба этого креста неизвестна. Сообщая царю о святынях Ныроба, воевода был обеспокоен отсутствием в нем священнослужителей: *«... и впредь в том погосте у чудотворного образа без игумена или без протопопа для многого приходу быть нельзя».*

Как только царю Михаилу Федоровичу стало известно из грамоты 1619 г. о состоянии духовной жизни в Ныробе, он тут же направляет воеводе Перми Великой Гавриле Лодыгину грамоту, по которой было *«велено в том Нырбоском погосте у чудотворного образа Николая чудотворца устроить храм деревян во имя чудотворца Николы (вспомним, что первый храм сгорел в 1617 г. – Г. Ч.), а деньги за лес и плотникам от дела дать из наших из чердынских изо всяких доходов, да к тому же чудотворному образу велено прибрать двух человек священников, да диакона, да дьячка, да пономаря, да проскурницу – добрых».* При этом царь требовал *«... а сколько в том погосте крестьян и что с них каких оброков, и что на содержание храма, за лес и плотникам от дела из наших доходов дадут, и ково именем к тому чудотворному образу священников, и диаконов, и дьячка, и пономаря, и проскурницу приберут, и о том велено отписать к нам в Москве, и до нашего указу с того Нырбоского погосту наших никаких податей править не велено».*

Но на грамоту царя 1619 г. ответа не последовало. Когда воевода Гаврило Лодыгин оказался в Москве, то в Новгородской чети, которой подчинялась Пермь Великая, рассказал, что царскую грамоту 1619 г. он не получал. Но по совету попа Кирилла он взял деньги из церковной казны Нырбоского погоста и *«воздвиг церковь деревяну во имя чудотворца Николы».* Из-за скудости казны, пояснил воевода, *«образов устроил немного, служат с великою нужею, а книг собрал для нужи от иных церквей, и велел быти тому попу Кириллу; и дьячка, и пономаря и проскурницу устроил; другово священника и дьякона не устроил потому, что нашего жалованья руги и церковной пашни у них нет, а крестьян у них в той деревне живет всего пять человек».* Но вскоре царю поступила челобитная ныробских крестьян (в грамоте они названы пермичами) о большом бедствии – неурожае в 1620 г. и последовавшем разорении: *«... хлеб позяб и из той деревни крестьяне разбрелись розно, а осталось всего живущих три двора, и те де люди бедны, а земли в той деревне четей с тридцать, а та де земля худа; что стоит та деревня на камени и хлеб мало родится, и ныне де церковные причетники от скудости и от хлебного недороду хотели брести розно; и без попа де быть у той церкви немощно; и только де к той церкви ругу давать и землю устроить; и у той церкви можно протопопу или игумену и монастырь устроить лязя».*

Главной причиной бедственного состояния являлась малочисленность населения, не имеющего достаточного дохода от земледелия. Но в этих условиях, как показывают грамоты, важнее всего было сохранить храм с чудотворной иконой и память о М. Н. Романове – основу духовности. Храм, икону и память о М. Н. Романове спасали вместе крестьяне и царь.

Грамота 1622 г. была направлена на защиту царского богомолья и местного населения. В ней царь указывал новому воеводе Перми Великой Василию Бутурлину *«... храм досмотреть, сколько храму сделано и чего еще не доделано; и что надобет на церковную доделку и на всякое церковное строение; и без чего в церкви быть нельзя; и есть ныне у того храму служба и сколько церковных причетников, и образ чудотворцова досмотреть, сколько у чудотворного образа прикладу и всякия казны и церковного*

строенья». При этом особо царь велел «переписать на роспись и примериться – сколько попам и дьякону у того храму быть мощно, и чем им питаться, и каков приход; и можно ли им тою деревнею и приходом прокормиться или немощно; и сколько с тоя деревни, в которой деревне церковь стоит, obroку и всяких доходов; а сыскав про то и досмотря, о том о все отписать и роспись прислать к нам к Москве».

Следующая грамота царя Михаила Федоровича, дошедшая до нашего времени, посылалась в 1628 г. воеводе Перми Великой князю Петру Клубкову Масальскому. Грамота 1628 г. явилась ответом на челобитную причта *«церкви Николы чудотворца попа Ильи да дьячка Гришки, да пономаря, да проскурни»* царю и святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всея Руси.

Причт из Ныроба в 1627 г. сообщал, что *«прокормитца нечем, потому что в той деревне люди бедны и скудны, промыслов у них некоторых нет и хлеб не родится»*, а прежде им выдавалась руга *«из мирских сборных денег на весь крылос по осмнадцати рублей на год»*, но земские целовальники с 1623 по 1627 гг. перестали ее давать. При этом причетники напомнили царю, что по его указу 1624 г. они получили для храма Николы Чудотворца *«ризы тафтяные и на Евангелие оболочку бархатную»*, но в целом *«у Николы де чудотврца скудно в церкви образами, и книгами, и колоколами»*. Был еще один случай, который заставил причетников обращаться к царю и патриарху. По прежней царской грамоте предлагалось местных крестьян *«обелить и оброк с них сложить, и никаких податей править не велено»*. Но за 1626 и 1627 гг. сборщик податей собрался взять с них *«по шти рублей пол-одинадцати деньги, а от тех де наших податей те крестьяне хотят брести розно»*. По мнению причетников, этого допустить было нельзя, так как *«у Николы чудотворца то место запустеет и церковь стоять будет без пенья»*.

Зная об этой ситуации, царь вновь был склонен поддержать причт и храм в Ныробе. В грамоте 1628 г. обнаруживаем такие его рассуждения: *«... и нам бы их пожаловать велети б то наше богомолье у чудотворнаго образа у Николы чудотворца образами и книгами, и колоколы устроить, и наше б жалованье им церковникам чердынским старостам и целовальникам за прошлые годы за пять лет заслуженныя деньги, и впредь велети выдавать по-прежнему; и по нашей бы по прежней грамоте с тех крестьян, которые живут в том погосте, наших податей править не велеть, чтобы то наше богомолье не пустело и без пения не было, и крестьяна врознь не разбрелися»*. При этом царь ссылался на отписку воеводы Василия Бутурлина, поступившую в Новгородскую четь по запросу 1622 г. Воевода Перми Великой осматривал церковь Николы чудотворца и казну и доносил, что *«церковь Николы чудотворца доделана вся церковною казною ... а без руги де тем погостом церковным причетникам прокормиться нечем, хлеб морозом бьет часто ... что с Нырыбскаго погоста крестьяне всяких доходов платят»*.

Кроме того, в 1627 г. воевода Перми Великой Гаврило Веревкин доносил в Москву, что они выполнили указания царя и *«к той церкви к прежним служителем попа да дьяконов призывали и призвати не могли, потому что в Чердыни гуляющих попов и дьяконов нет; да и потому де, что в Нырыбском погосте у Николы чудотворца двум попам и дьякону, и дьячку, и пономарю тою деревнею и приходом прокормиться не можно»*. На поступившую отписку воеводы царь отвечал очередной грамотой и велел призвать к церкви Николы чудотворца *«попа, и дьякона, и дьячка ... добрых с посаду или из Пермского уезда, кто похочет»*. Воеводе Гавриле Веревкину царь поручал *«к церкви*

Николы чудотворца обелить деревню, в которой та церковь стоит, и всякие подати с нея сложить, и с окладу выложить для помину боярина Михаила Никитича Романова». Воевода и подьячий «ту деревню обелили и из доходу сложили», но об этом в Новгородскую четь их роспись не поступила. Поэтому, как нам уже известно, с крестьян полагалось взять оброк за 1626 и 1627 гг., хотя по грамоте царя 1624 г. сбор его исключался. Это и стало для причетников Ныроба еще одним поводом посылать в 1627 г. челобитную не только царю, но и патриарху.

Из грамоты 1628 г. становится известно, что царь Михаил Федорович щедро распорядился на просьбы причта. Он освободил крестьян от денежного оброка, указал выдавать причту *«наше жалованье руги... как давали и собирали мирские люди по осминадцати рублев на год, на весь сбор из наших из пермских доходов»* и приказал на деньги казны Новгородской чети приобрести для церкви Николая чудотворца иконы, книги, колокола. Книги *«Устав да Минею общую, да другую половину Пролога с Евдокеина дни с 1 числа, да три колокола – весом колокол два пуда, да колокол полтора пуда, да колокол пуд девять гривенок»* были посланы из Москвы *«Нырыбскаго погоста с дьячком с Гришкою Ивановым да того же погоста с крестьянином Степанком Васильевым»*. *«И как к вам ся наша грамота придет, – писал царь Михаил Федорович в Пермь Великую в Чердынь воеводе Петру Клубкову Масальскому, – и вы б в Перми Великой Чердыни в церковь Николе чудотворцу в Нырыбский погост велели написать иконником добрым церковнаго строенья образов дванадесять праздников, да книгу Пролог другую половину марта с 1 числа с добраго переводу, а деньги за те образы за писмо иконником и книжному мастеру, как они образы и книги напишут, велели б есте по уговору им дати из нашей казны из пермских изо всяких доходов»*.

Царская грамота 1628 г. заканчивалась еще важными предписаниями: воевода должен был все расходы записывать в книги и сметный список, иконы, книги и колокола передать в церковь Николы чудотворца, причту давать жалованье, вывести деревню из окладу и не собирать никаких податей с крестьян. Обо всем этом предлагалось *«отписать к нам, к Москве подлинно, а отписку ... отдать в Новгородской чети нашему Байму Болтину да Дементью Образцову, чтобы про то в четверти было ведомо»*. Воевода должен был сделать список с грамоты и хранить его у себя, а подлинную грамоту ему предписывалось отдать попу Илье и причетникам Ныроба, чтобы *«они ее у себя держали впредь для иных наших воевод и приказных людей»*.

Как ни далеко был Ныроб от Москвы, но и до него доходило имя царя Михаила Федоровича. Самое главное заключалось в том, что как ни тяжела была жизнь крестьян в суровых местах, у них внутренней потребностью оставалась православная вера. Они хотели жить под защитой собственного духовного центра – храма Николы чудотворца, чудотворной иконы и с именем невинного страдальца М.Н. Романова. Эта сущность отвечала жизненным интересам крестьянства, искавшего на земле место, чтобы удовлетворять хозяйственные и духовные потребности.

Без государства, без внимания русского царя крестьяне не могли воплотить свое стремление сохранить для потомков имя М. Н. Романова и место его заточения. Обращение к царю и патриарху – показатель смелости и самостоятельности крестьян, показатель желания жить на земле основательно, с землей и Богом. Своим обращением к царю и патриарху крестьяне в лице причетников, писавших челобитные грамоты,

предстают основной силой, стремящейся закрепить в Перми Великой власть могущественного государства.⁴

Время М. Н. Романова в Ныробе – время первоначального, а затем все более широкого и глубокого освоения русскими Перми Великой. Пример Ныроба – пример рождения северного форпоста Перми Великой. Имея хозяйственный и духовный центр в Ныробе, крестьяне пролагали путь сквозь тайгу, переходили через волоки с Камы на Печору и Вычегду, по малым рекам неудержимо двигались в леса, заводили пашни, строили деревни. У этого процесса, его влияния на судьбы края были глубокие внутренние закономерности. Освоение Северного Приуралья отвечало жизненным интересам крестьян, постоянно искавшим свободные земли, богатые охотничьи и рыболовные угодья.

В начале XVII в. иными были представления, обычаи, нравы крестьян. Но с позиции сегодняшнего дня, когда Россия вновь на переломе, нам яснее виден исторический смысл событий государственного масштаба, участниками которых были ныробские крестьяне.

Опубликовано:

**Сборник №3. У истоков российской государственности.
(Роль женщин в истории династии Романовых): Исследования и материалы.**
– СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2010. – С.436-443.

⁴ Известны и другие челобитные крестьян Ныроба и жалованные грамоты царей 1635, 1647, 1679, 1681, 1682, 1724, 1744, 1770 гг. (6 грамот – в фондах Чердынского краеведческого музея им. А. С. Пушкина - см.: Ф. 2558).